

ГЕНЕЗИС КУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА В ЭКОНОМИКЕ

Александр Козлов,
заместитель генерального
директора Научно-практического
центра НАН Беларуси по
материаловедению по экономике
и производству, кандидат
экономических наук, доцент;
Kozlov_alexandr@mail.ru

Аннотация. В рамках современного представления о бюджете государства считается, что социокультурная сфера не приносит очевидного дохода, и, соответственно, она рассматривается некоторыми экономистами и практиками как «изживенческая сфера». Автор провел исследование на эту тему и предпринял попытку опровергнуть такое мнение. В данной статье показаны роль и значение культуры в экономике и предложено учитывать ее в известной производственной функции, а траты на нее считать инвестициями, от которых ожидается отдача. Такой подход основан на работах известных ученых-экономистов прошлых лет и настоящего времени. Он вписывается в поведенческие начала кросс-научных изысканий, где человек является ключевым ресурсом развития экономической сферы любого государства, поскольку существующие в конкретной стране в конкретный период времени культура, традиции и ценности, религия и другие гуманитарные составляющие отражаются на экономическом росте.

Ключевые слова: культура, постматериалистические ценности, социокультурная экономика, культурные измерения, производственная функция.

Для цитирования: Козлов А. Генезис культурного подхода в экономике // Наука и инновации. 2025. №3. С. 39–48.

<https://doi.org/10.29235/1818-9857-2025-3-39-48>

УДК 330.101 + 330.16 + 330.82 + 330.837 + 330.88 + 331.101.3
JEL B15, B25, B52, E71, E14, O43

Достижения науки и техники приводят к тому, что со временем все процессы, сопровождающие экономическое развитие, претерпевают прогрессивные изменения. По мере смещения ядра экономики в сторону более высокого технологического уклада доля материалоемкости производства уменьшается, а на первые позиции выдвигаются накопленные интеллектуальные ресурсы (знания, навыки и умения), которые овеществляются в новых технологиях и конечных продуктах. На этом фоне роль человека существенно возросла, а значение собственной сырьевой базы, которая ранее считалась ключевым фактором роста благосостояния, снизилось. Например, новые знания позволили повысить коэффициент полезного действия в различных процессах и задали тренд миниатюризации, когда, скажем, всем известный двигатель внутреннего сгорания при меньших размерах и меньшем расходе топлива существенно повысил свою мощность. И это без учета уже существующих электродвигателей и разрабатываемых на основе изменения гравитации, которые, по мнению аналитиков, должны появиться в перспективе.

Наблюдается тенденция, когда выбывающий в процессе производства объем материальной составляющей с лихвой замещается нематериальной, к которой ученые традиционно относят знания, навыки, умения и все то, что связано с характеристиками человеческого потенциала.

Вместе с тем еще остаются отдельные нематериальные элементы, которым длительный период времени не уделялось должного внимания с позиции влияния на экономику. В то же время следует отметить, что в последние два десятилетия исследования отдельных экономистов все чаще посвящаются данной проблематике. Это обусловлено поиском ответа на вопрос, почему у нас не действуют те механизмы, которые в других странах принесли успех. Нельзя не согласиться с учеными, которые объясняют такое положение вещей посредством наличия «невидимых» институтов. Ведь на самом деле одинаковые элементы при одинаковом принципе работы в разной среде дают разные результаты, что наглядно просматривается на метафоричном примере выращивания растений, когда исходное состояние почвы, ее уникальность напрямую связаны с урожайностью.

С учетом изложенного на данный момент важнейшим элементом, оказывающим существенное влияние на экономическое развитие, выступает культура. Именно она в широком смысле является объектом пристального внимания экономистов.

Современный зарубежный опыт

В 1940–1950-е гг. многие американские ученые интересовались влиянием культуры на развитие общества. Как показывает анализ литературных источников, это было обусловлено не только поиском научной истины, но и идеологическим конфликтом между социалистическим и капиталистическим лагерями. Основа марксистско-ленинской теории того времени заключалась в том, что причинами бедности нации являются колониализм и несвобода народа.

В ответ на эти предположения западные исследователи использовали данные различных наук, таких как психология, социология, антропология и политология. В результате была выдвинута гипотеза о том, что большое значение для социально-экономического роста имеет культура. Эта гипотеза, изначально недооцененная, вскоре стала рассматриваться как приоритетная, поскольку позволяла объяснить не только различные экономические явления, но и все то, что выходило за рамки классических представлений о причинах экономического успеха.

Наиболее впечатляющие изыскания и идеи о важности культурных факторов для становления общества были сделаны зарубежными экономистами. Так, американский ученый Л. Харрисон, специализирующийся на международном развитии, утверждал, что культура выступает доминирующим фактором прогресса и развития групп населения и наций в целом (на примере стран Африки, Азии и Латинской Америки), что культурные ценности и установки могут влиять на достижимость экономического процве-

тания в обществе (Южная Корея) или на долгосрочные предопределения, приводящие к возникновению отсталости (Гана) [1].

Интересен и научный взгляд социолога и политолога профессора Р. Инглхарта. Он доказал, что ценности и приоритеты граждан не фиксированные, а меняются в течение жизни под влиянием различных факторов [2]. Этот результат подтверждает мнение автора данной статьи о том, что ценности слишком важны, чтобы игнорировать их при создании механизмов стимулирования деятельности субъектов.

Взгляды Л. Харрисона и Р. Инглхарта о влиянии культурных факторов на развитие общества разделяют и другие ученые, такие как социолог и политолог С. Хантингтон, психолог и социолог Д. Макклелланд, представители этнопсихологической школы М. Мид и Р. Бенедикт, политолог Э. Бэнфилд, психосоциолог А. Инкелес, специалисты в области политической культуры С. Верба, С. Липсет и Г. Алмонд, эволюционный биолог Дж. Даймонд.

Долгое время, особенно до 1980-х гг., гипотеза о том, что культурные особенности могут быть препятствием для экономического роста, подвергалась кри-

тике со стороны академических экономистов и интеллигенции. Однако поиск научной истины изменил ситуацию. В культурных различиях стали находить ответы на вопросы о возможных причинах достаточно быстрого послевоенного восстановления экономик СССР, Германии и Японии; о падении социалистической системы хозяйствования и успешной трансформации коммунизма в Китае; о том, почему при одинаковых стартовых характеристиках экономики одни страны показали рост (Сингапур), а другие не смогли перешагнуть за черту бедности (Гаити) и т.д.

Здесь следует упомянуть лауреатов Нобелевской премии по экономике 1993 г., экономистов-историков профессора Д. Норта и академика Р. Фогеля, показавших на исторических примерах важность тех или иных институциональных (культурных) особенностей для последующего экономического успеха государства, доказав это в том числе и количественными методами. Например, Д. Норт раскрыл исторические предпосылки возвышения западного мира [3], а Р. Фогель – историческое влияние различных институтов на становление справедливого общества, то есть общества

с равными правами и обязанностями всех его членов [4].

Заслуживают внимания и исследования профессора Дж. Даймонда, который, рассматривая развитие общества сквозь призму культуры и связанного с ней использования природных ресурсов, доказал, что их неумеренное потребление ведет к коллапсу, а рациональное – обеспечивает подъем и процветание граждан. Он также пришел к выводу о том, что эффективные общественные институты всегда возникали как результат «длинной цепочки исторических свершений». В этой связи государства, которые расположены «в регионах с более долгой традицией государственности или аграрного хозяйства», имеют и более высокий экономический уровень. При этом наличие богатых природных ресурсов не имеет ключевого значения [5].

Следует отметить, что были периоды времени, когда культура и экономика рассматривались во взаимосвязи. Такой вывод можно сделать на основе трудов А. Смита, К. Маркса, Ф. Энгельса, М. Вебера и Т. Веблена. Кроме того, К. Маркс и М. Вебер указывали на важнейшую роль истории в экономической науке и в этой связи в своих исследованиях зачастую прибегали к историческому подходу, а А. Смит подчеркивал принципиальное значение этических ценностей в экономике.

В своей работе о протестантской этике М. Вебер раскрыл логику рационального поведения экономических субъектов и их стремления максимизировать прибыль как проявление религиозного мировоззрения. Он обосновал тот факт, что в соответствии с протестантской этикой следование религиозному мировоззрению приводит к материальному успеху и денежному богатству, что,

соответственно, стимулирует у субъектов доминирование меркантильного мотива как основного способа достижения жизненного успеха не только в материальном, но и в духовном смысле [6].

Американский экономист, социолог, футуролог, основоположник теории институциональной экономики Т. Веблен в 1899 г. издал революционную для своего времени книгу «Теория праздного класса», где помимо создания собственной историко-экономической концепции обосновал идею о том, что в рыночной экономике потребители находятся под постоянным общественным и психологическим давлением, и это вынуждает их принимать популярные, но экономически неразумные решения [7].

Впоследствии на фоне научно-технических прорывов и развития прикладных математических инструментов в научном мире стала меняться парадигма о роли истории для экономики, ученые все чаще стали искать объяснения различным событиям и процессам в отрыве от экономической науки. Например, с 1950-х гг. по всему миру в различных дисциплинах «царили» математические методы. Уже в тот период считалось, а такой вывод сделан исходя из многообразия научных публикаций, что любые социально-экономические процессы можно положить на язык математики и, как результат, применить к ним соответствующие методы оценки, моделирования и прогнозирования. Так, например, судя по сборнику статей «Математические методы в социальных науках» 1966 г. зарубежные ученые исследовали с применением математики такие социально-культурные направления, как структуры со взаимным поощрением; эффективные орга-

низационные формы; механизмы, вызывающие стремление к единообразному поведению; модели изменения мнения при повторном принятии решения и т.д. [8]. Признавалось, что на практике особую сложность вызывает решение задачи по разработке измерителей социальных процессов и предложению адекватной оценки в виде соотношения физических и, например, психологических параметров, то есть самым трудным считалось определение того, как нематериальным факторам придать конкретные значения математических измерителей, чтобы в дальнейшем проводить моделирование [9].

Вместе с тем, когда технический прогресс выходил на свое плато, а перед новым витком развития наблюдалось некое затишье, ученые в поисках новых путей экономического роста стали искать нематериалистические истоки предыдущих взлетов и падений. Так, с помощью исторических и институциональных подходов нашлись объяснения некоторых удач и провалов в экономике культурными различиями. В результате чего окончательно доказало свою востребованность такое направление, как институциональная экономика, и одновременно выкристаллизовалась роль истории, культуры, психологии и иных факторов, которые длительный период оставались в тени.

**ВЫКРИСТАЛЛИЗОВАЛАСЬ
РОЛЬ ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ,
ПСИХОЛОГИИ И ИНЫХ
ФАКТОРОВ, КОТОРЫЕ
ДЛИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД
ОСТАВАЛИСЬ В ТЕНИ**

Так, профессор экономики и социологии, Нобелевский лауреат по экономике 1992 г. Г. Беккер еще в 1960-е гг. на примере высшего образования в США сформулировал идею о том, что инвестиции в человеческий капитал приносят больший доход, нежели ценные бумаги или «предпринимательский капитал» [10]. При этом, в отличие от других специалистов, ученый применял экономические методы анализа поведения человека и его взаимодействия и на примере дискриминации, политики, преступности, брака и семьи объяснил его нерыночные, альтруистические и иррациональные механизмы [11].

Немецко-британский экономист Э.Ф. Шумахер ввел понятие буддийской экономики. Он считал, что долгосрочный тренд человечества ориентироваться на прибыль и прогресс в действительности же приводит к экономической неэффективности. Уже только тот факт, что он задавался риторическим вопросом, почему человек стал придатком производства, а не наоборот, имеет значение для написания настоящей статьи. Еще в 1973 г. ученый бросил смелый вызов технократическим ценностям того времени и стал задумываться о роли индивидуума в этом мире [12].

На фоне существующих исследований о влиянии культуры на экономику выделяется работа профессоров Ш. Бёгельдейка и Р. Маселанда [13], в которой они указали на наличие методологических сложностей включения культурных факторов в экономическую науку. По мнению автора настоящей статьи, это может свидетельствовать о том, что такая постановка вопроса ориентирует ученых на скорейшее создание универсальной методологии, которая позволит оце-

нивать влияние культурных факторов и сравнивать эффективность различных экономических моделей. Например, нидерландский ученый в области социальной психологии Г. Хофстеде уже сделал шаг в этом направлении и предложил типологию культурных измерений. На основе факторного анализа он описал влияние культуры конкретного общества на индивидуальные ценности людей и то, как эти ценности воздействуют на поведение членов данного общества [14].

Влияние советской школы

Исторически мировое господство достигалось за счет передовых достижений в науке и технике. Они играли важную роль в советское время, а по мере развития технологий постоянному совершенствованию подвергались принципы планирования и хозяйственные механизмы, результаты которых ставились в прямую зависимость от экономических стимулов. Считалось, что хозрасчет является основой укрепления народного хозяйства. Как и на Западе, в СССР была широко распространена тенденция подчинять сложные социально-экономические и культурные процессы математическим расчетам. Это породило ложное убеждение, что все эти процессы находятся под полным контролем и управлением центральной власти. Практика показала, что изменить данную парадигму очень сложно в связи с тем, что советская экономика до определенного времени, имея низкую экономическую базу, росла рекордными темпами. Эйфория от реализации таких крупных народнохозяйственных задач, как электрификация (ГОЭЛРО), индустри-

ализация, атомная энергетика, космос и т.д., привела политическую элиту к мысли, что успех будет длиться вечно. Это также логично объясняет то, почему вплоть до распада государства нематериальным факторам экономического роста не уделялось должного внимания.

В то же время следует отметить, что советская наука имела достаточно серьезную базу и предпосылки для более широкого распространения человекоориентированных направлений. К сожалению, они не получили своевременного развития. Такая ситуация также может объясняться культурными особенностями, сформированными в данных условиях, которые кроются в том, что на протяжении всей своей истории Советский Союз в большей степени был в «догоняющих», и по этой причине присутствовала опасность сделать ошибку на пути, которым ранее никто не следовал.

Данный вывод автора основан на анализе трудов известных советских экономистов, из которых следует, что в довоенный, а тем более в военный и послевоенный периоды, а именно до конца 1980-х гг., когда уже было сложно скрывать накопленные проблемы, учеными даже не рассматривалась теория, что особенности национальной культуры могут оказывать существенное влияние на экономику и объяснять довольно сложные процессы. Здесь нет ничего удивительного, поскольку длительное время даже математические подходы к поиску оптимального решения производственных задач Л.В. Канторовича, лауреата Нобелевской премии по экономике 1975 г., не находили понимания не только у политиков, но и у некоторых отечественных экономистов. Рассма-

триваемый этап можно охарактеризовать как весьма непростой для страны – была попытка подчинить науку, и не только экономическую, сложившимся идеологическим представлениям, что зачастую не просто тормозило развитие, но и причиняло огромный вред государству.

Так, видные ученые советского времени Л.И. Абалкин, А.Г. Аганбегян, Л.В. Канторович, В.С. Немчинов, К.В. Островитянов, В.М. Полтерович, Н.Я. Петраков, П.Г. Бунич, В.Л. Перламутров, К.Н. Плотников и многие другие посвящали свои исследования материалистическим проблемам экономики. Основные темы, которыми занимались ученые, носили в большей степени прикладной, зачастую вульгарно материалистический характер и были направлены на совершенствование народного хозяйства. Главными темами для исследований были: статистика, оптимизация процессов, экономико-математическое моделирование, планирование, совершенствование хозяйственного механизма, капитальные вложения, ценообразование, трудовые ресурсы и др.

При этом у ученых, которые прошли этап перестройки и стали свидетелями распада СССР, произошло переосмысление ценностей, и многие из них стали задумываться о роли таких факторов, как культура, идеология, психология, и других нематериальных составляющих, оказывающих влияние на экономическое развитие. Для наглядности рассмотрим научные позиции отдельных ученых и приведем примеры их работ.

Будучи сотрудниками ЦЭМИ, академик Н.Я. Петраков и членкорреспондент В.Л. Перламутров до 1991 г. много внимания уделяли материальным вопросам совершенствования финансово-

кредитного механизма, указав еще в 1978 г. на то, что он не способствует повышению эффективности производства и внедрению достижений научно-технического прогресса. После распада Советского Союза, занимая должности директора и заместителя директора Института проблем рынка РАН, эти ученые стали больше обращаться к нефинансовым экономическим аспектам и пришли к одному важному выводу: что недалекovidная экономика на поддержании социальной инфраструктуры в нормальном рабочем состоянии приводит к огромным материальным потерям уже в обозримом будущем [15], тем самым косвенно объяснив причины накопившихся проблем и возможного распада страны.

Заместитель Председателя Правительства СССР, директор Института экономики РАН в 1991–2005 гг. академик Л.И. Абалкин также с конца 1960-х гг. вплоть до последних лет существования Советского Союза придерживался устоявшейся в тот период позиции относительно приоритета материальных интересов в реализации хозяйственного механизма над нематериальными [16]. Вместе с тем последние годы научной деятельности он посвятил разработке путей преобразования российского общества, осмыслению культурно-исторического наследия и поиску альтернативных путей проведения экономических реформ [17, 18]. Он отмечал, что в современной мировой науке существенно возросла потребность в комплексном, системном анализе экономики [19], то есть усилилось ее взаимодействие с социологией, культурой, психологией, историей, политикой и юриспруденцией.

Еще один российский ученый, советник Президента Российской Федерации в 2012–2019 гг. академик С.Ю. Глазьев, в последнее время также обращает внимание на культурные и институциональные аспекты управления социально-экономическим развитием [20]. Рассуждая на тему антикризисной стратегии управления экономикой, он отмечает, что важнейшим элементом качества трудовых ресурсов и человеческого капитала является национальная духовная культура, которая при этом играет важную роль и в мотивации труда, а также определяет эффективность использования национального производственного потенциала. Одновременно с этим ученый видит необходимость организации процесса управления народным хозяйством в соответствии с традиционными ценностями национальной культуры, выступающей как фактор роста экономики [21].

Академик А.Г. Аганбегян в советский период специализировался на изучении проблем управления предприятиями, заработной платы, повышения производительности труда, статистики и планирования, на анализе межотраслевого баланса. В основе его работ лежали различные экономико-математические методы, в них преобладал математический инструментарий, а после 1991 г. акцент был смещен на влияние социальных факторов на экономическое развитие государства. Заслуживают внимания исследования ученого относительно тех случаев, когда зачастую не в полной мере осознанное финансирование образования и здравоохранения в СССР давало поразительные результаты – страна совершила технический прорыв (космос, атомная энергетика и т.д.), увеличилась продол-

жительность жизни населения, а средняя жилищная обеспеченность возросла с 10 м² в 1970 г. до 19 м² в 1990-м [22].

Российский экономист, профессор А.А. Аузан считает новым перспективным направлением в экономической науке социокультурную экономику [23], поскольку культура имеет особое значение для объяснения различных явлений в экономике, которые традиционными инструментальными методами описать в полной мере весьма проблематично. Например, как справедливо отмечает исследователь, существует так называемый «эффект колеи», согласно которому предшествующий опыт, включая культурные традиции, имеет значение. Он согласен с профессором Д. Нортон, лауреатом Нобелевской премии по экономике 1993 г., что у каждой страны есть свой исторически сложившийся уникальный культурный код, сформированный под влиянием религии, климата, плотности населения, особенностей ведения хозяйства, перенесенных эпидемий и других факторов [24].

Из рассуждений профессора Ю.М. Осипова можно сделать вывод о том, что наши знания, являющиеся частью культуры, находятся под постоянным давлением, увеличиваются во времени и при достижении критической массы меняют представление о действительности. Они также определяют парадигму хозяйственной деятельности, и, соответственно, без учета фактора культуры обойтись в современном мире невозможно. Для убедительности своих рассуждений о влиянии культуры на экономическое развитие он приводит пример на «макроуровне» – цивилизационные столкновения России, Китая и Запада, которые

обуславливают хозяйственный уклад данных государств либо их союзов [25].

Безусловно, выше приведен далеко не полный перечень известных советских и российских ученых, работавших над проблемами совершенствования хозяйственного механизма. Вместе с тем, по мнению автора статьи, этих примеров достаточно для вывода о том, что в советский период роль нематериальных факторов в целом и культурных факторов в частности недооценивалась. Сложилась ситуация, когда благодаря прорывам в технике в эпицентре внимания находились точные инженерные науки, а страны боролись за материальные ресурсы, оценивая друг друга по валовым показателям. Представление о стимулировании практически полностью сводилось к меркантильным денежным подходам. В такой ситуации стало нормой, что человек рассматривался в качестве «винтика системы», а о роли таких нематериальных факторов в экономике, как культура, идеология и т.п., даже не упоминалось. Так происходило до распада Советского Союза, после чего ученые и политики стали искать объяснение этому феномену, и оказалось, что культура имеет значение. Стали набирать популярность институциональная экономика и другие «нематериализованные» направления.

При проведении данного исследования автор задался вопросом: всегда ли в советский период материальные интересы затмевали нематериальные? И обратившись к истории периода формирования Советского государства, нашел интересный ресурс, подтверждающий, что уже тогда были серьезные предпосылки для включения в эконо-

мическое развитие культурных факторов, которые впоследствии в течение 70 лет оставались в отечественной практике без должного внимания. Здесь следует напомнить, что советская экономическая наука того периода шла в ногу с мировой и даже местами выигрывала конкуренцию.

Обратимся к Первой всероссийской инициативной конференции по научной организации труда и производства, прошедшей в январе 1921 г. Так, например, анализ текстов выступлений показал, что М.Н. Фалькнер-Смит (1878–1968 гг.), ставшая впоследствии членом-корреспондентом АН СССР, сделала интересный доклад на тему «Важнейшие проблемы организации народного хозяйства» [26]. Она уже тогда рассматривала его как сложный комплекс технических, экономических и культурных элементов. Выделение последних в отдельную составляющую народного хозяйства было весьма прогрессивным для своего времени. Ученая указывала на необходимость развития производственно-коллективистического сознания всех трудящихся, «сознательного подчинения интересов вида интересам рода», а индивидов и групп – интересам трудовых коллективов. Исходя из этого, по мнению Фалькнер-Смит, необходимо было предусмотреть определенное количество трудовых затрат на решение культурно-просветительных задач, а сами они должны рассматриваться как производственные [26]. Она доказывала, например, что школа, как и любой завод, является частью производственного аппарата страны, деятельность преподавательского персонала должна зачисляться в накопление, как и расширение средств производства. Также следовало утверждение,

что «революционизирование» психики должно быть тем пределом, к которому стремится культурная работа, как техника стремится к революционизированию и усовершенствованию средств производства.

Соответственно, можно предположить, что научная мысль российского экономического сообщества уже в 1920-е гг. не уступала западным конкурентам. И как мог бы измениться ход истории, если, скажем, изложенные идеи были бы в определенный момент правильно восприняты политическими и научными лидерами, а известная производственная функция была бы дополнена фактором (или коэффициентом) культуры (С – «Culture»):

$$Q = f(K, L, M, T, N, C),$$

где Q – объем выпуска, а K, L, M, T, N – факторы капитала, труда, сырья, технологий, предпринимательских способностей соответственно.

Такой подход дал бы толчок для проведения более глубоких исследований относительно того, как культура влияет на экономические процессы, внеся тем самым коррективы в различные научные направления и, безусловно, подстегнув развитие подходов к стимулированию национальной экономики. К сожалению, этого не случилось, а к данному вопросу ученые (и не только отечественные) вернулись существенно позже, когда темп роста за счет новых технологий и техники естественным образом замедлился, ожидая новых прорывов. Фактор же культуры до настоящего времени не учитывается в расчетах показателей национальной экономики.

Белорусская экономическая школа

Белорусская экономическая наука длительный период времени находилась под безусловным влиянием советской школы и по-прежнему в большей степени ориентирована на материалистические подходы. Ранее основными направлениями для исследований были вопросы совершенствования хозяйственного механизма на региональном уровне, повышения эффективности производства, внедрения новой техники и основных фондов, ускорения научно-технического прогресса, ценообразования и др.

ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛЕЙ РЕАЛИЗУЕМОЙ В РЕСПУБЛИКЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ВИДИТСЯ ПРОБЛЕМАТИЧНЫМ БЕЗ ФОРМИРОВАНИЯ СИЛЬНОЙ ДУХОВНОЙ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ

Как отмечают ученые, после распада СССР наша страна оказалась в числе тех постсоветских республик, в которых не проводились какие-либо серьезные фундаментальные исследования, посвященные истории и развитию национальной экономической мысли [27]. В настоящее время, безусловно, принимаются меры по восполнению этого пробела, но вместе с тем основные труды ученых все так же носят материалистичный характер.

Среди отечественных ученых, прямо или косвенно занимавшихся изучением влияния культурных факторов на экономи-

ческие процессы, следует выделить академиков В.Г. Гусакова и П.Г. Никитенко, профессоров В.Ф. Байнева, П.С. Лемещенко и др.

Председатель Президиума Национальной академии наук Беларуси, академик В.Г. Гусаков указывает на необходимость учета культурных факторов в формировании экономических механизмов. По его мнению, достижение целей реализуемой в республике социально-экономической политики видится проблематичным без формирования сильной духовной и идеологической основы [28].

Академик П.Г. Никитенко объясняет связи, причины и следствия явлений в мире экономики посредством ноосферных процессов [29]. В то же время он считает, что для стратегического развития национальной экономики в мировом сообществе требуются новые нематериальные – мировоззренческие и идеологические – ориентиры [30]. Ученый призывает не абсолютизировать роль производительности труда и указывает на то, что уже назрел вопрос о разработке новых индикаторов уровня благополучия нации, что на смену ВВП и связанным с ним показателям должны прийти другие, которые будут характеризовать прежде всего качество жизни населения. Исследователь ориентирует научное сообщество на смену экономической парадигмы, в которой в конечном счете в национальное богатство будет включена стоимость воспроизводства человека [30], что коррелирует с прогрессивными взглядами зарубежных ученых и, безусловно, нашло отклик у ряда отечественных экономистов.

Профессор В.Ф. Байнев обращает внимание на то, что в ходе научно-технического прогресса в экономике накапливаются проблемы социально-философского

характера, значимость которых он оценивает столь высоко, что ставит их в один ряд с вопросами выживания человека [31]. Безусловно, заслуживает внимания его позиция о необходимости выработки принципиально новой социально-экономической научной парадигмы, в основу которой необходимо заложить приоритет глобальных общественных интересов над личными с ориентированием в долгосрочной перспективе не на прибыль, а на максимизацию общественной полезности [32]. Ученый рассматривает идеологию и нравственность в качестве экономических категорий [33], поднимает проблему нравственного измерения экономики [34].

Доктор экономических наук П.С. Лемещенко указывает на культурное начало экономики [35]. Он отмечает, что современная экономическая наука уже давно и далеко вышла за пределы решения одних лишь утилитарных задач, и в этой связи согласен с рядом известных экономистов (Ю.М. Осипов и др.), понимающих под ней науку о хозяйственных процессах. Последнее понятие является более обширным, требует анализа человеческой деятельности и учета основ

НАЗРЕЛ ВОПРОС О РАЗРАБОТКЕ НОВЫХ ИНДИКАТОРОВ УРОВНЯ БЛАГОПОЛУЧИЯ НАЦИИ, НА СМЕНУ ВВП И СВЯЗАННЫМ С НИМ ПОКАЗАТЕЛЯМ ДОЛЖНЫ ПРИЙТИ ДРУГИЕ, КОТОРЫЕ БУДУТ ХАРАКТЕРИЗОВАТЬ ПРЕЖДЕ ВСЕГО КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

«ХОРОШО ЖИВУТ НЕ ТЕ СТРАНЫ, КОТОРЫЕ ОБЛАДАЮТ БОЛЬШИМ БОГАТСТВОМ, А ТЕ, КОТОРЫМ УДАЛОСЬ ВОВЛЕЧЬ ЭТО БОГАТСТВО В ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОБОРОТ»

«культурно-социального существования граждан и стран». Поэтому культурные факторы, по его мнению, тесно связаны с экономическими и всегда находятся под влиянием друг друга [36]. Профессор справедливо отмечает, что «хорошо живут не те страны, которые обладают большим богатством, а те, которым удалось вовлечь это богатство в экономический оборот», и ставит вопрос времен А. Смита о необходимости переосмысления этого феномена, поскольку одних только меркантилистических подходов уже недостаточно [37]. Вот здесь исследователи сталкиваются с влиянием культурного наследия в целом и культурных факторов в частности, испытывая затруднения с ответом на вопрос, почему даже «хваленая» капиталистическая модель, имеющая определенный успех в одних странах, оказывается абсолютно беспомощной в других.

Известный белорусский экономист А.И. Лученок рассматривает такой элемент культуры, как национальный менталитет, и приходит к выводу о том, что его нужно учитывать при проведении интеграционных процессов [38]. В этой связи он считает, что при согласовании правовых документов ЕАС и выработке экономических механизмов взаимодействия государств важнейшим вопросом остается создание соответствующей институциональной

среды, сглаживающей возможные препятствия для отдельных стран сообщества [39].

Следовательно, белорусская научная школа готовится к вызовам постматериальной экономики и делает наработки в связи с происходящими социокультурными преобразованиями общества.

Выводы

Таким образом, наличие культурных различий позволяет найти ответы на вопросы, почему не существует универсальных экономических рецептов, почему одни и те же меры в разных странах приводят к существенно различающимся, а иногда и вовсе противоположным результатам. Это заставляет задуматься о том, всегда ли мы правильно поступаем при определении экономической политики, особенно на длительный период, поскольку при принятии решений могут не учитываться трансформационные культурные изменения.

В зарубежной науке вопросы культурного влияния на экономику активно стали рассматриваться с 1970-х гг., в отечественной (триггером подобных исследований стал распад Советского Союза) – с начала 1990-х. Заблаговременный учет культурных особенностей если и не обеспечил бы сохранение государства, то как минимум позволил бы сгладить негативные последствия этого исторического события.

Экономике нашей страны и белорусской общественности предстоит перестроиться на постматериальные тренды. Это касается прежде всего изменения парадигмы понимания ценностей и богатства как со стороны граждан, так и со стороны государства. До настоящего времени как в отечественной, так и в зарубеж-

ной науке не сформирован общепринятый подход для измерения культурных факторов и, соответственно, имеются сложности при проведении сравнительного анализа влияния культуры на экономику. К тому же корреляционные исследования по этой тематике провести достаточно сложно не только по изложенной причине, но и по этическим соображениям во избежание культурноцентрических настроений.

РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ ПРЕДСТОИТ ПРОВЕСТИ БОЛЬШУЮ РАБОТУ С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ КАПИТАЛОМ В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕННЫХ ФИНАНСОВЫХ РЕСУРСОВ

Необходимо учитывать исторический опыт в области государственного стимулирования на примере премирования, которое в советский период выполняло социокультурную функцию и сочетало элемент материального стимулирования, общественного признания и благодарности. Этот опыт Советского Союза может быть полезен и в наши дни, поскольку Республике Беларусь предстоит провести большую работу с человеческим капиталом в условиях ограниченных финансовых ресурсов.

Инвестиции в культуру следует рассматривать не как перераспределение дохода, а как капитальное накопление, которое в конечном счете материализуется в показателях экономического роста. Возможным решением может стать практическая разработка вопроса о включении фактора культуры в производственную функцию. ■

■ **Summary.** In the context of the modern understanding of the state budget, it is believed that the socio-cultural sphere does not bring obvious income, and, accordingly, it is considered by some economists and practitioners as «dependent sphere». The author conducted a study on this topic and attempted to refute this opinion. This article shows the role and importance of culture in the economy and suggests taking it into account in the well-known production function, and considering its expenditures as investments from which a return is expected. This approach is based on the works of famous economists of the past and present. It fits into the behavioral principles of cross-scientific research, where a person is a key resource for the development of the economic sphere of any state, since the culture, traditions and values, religion and other humanitarian components existing in a particular country at a particular time are reflected in economic growth.

■ **Keywords:** culture, post-materialistic values, socio-cultural economy, cultural dimensions, production function.

■ <https://doi.org/10.29235/1818-9857-2025-03-39-48>

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Culture Matters: How Values Shape Human Progress, Lawrence Harrison & Samuel P. Huntington // <https://ia600101.us.archive.org/27/items/CultureMattersHowValuesShapeHumanProgress/Culture%20Matters%20How%20Values%20Shape%20Human%20Progress.pdf>.
- Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития // https://sociology.knu.ua/sites/default/files/library/elopen/inglehart_welzel.pdf.
- Норт Д. Возвышение западного мира // <https://economicsjournal.spbu.ru/article/view/3929/3505>.
- Fogel R. The Fourth Great Awakening and the Future of Egalitarianism // https://books.google.by/books?hl=en&lr=&id=3KLw30vZmX8C&oi=fnd&pg=PP9&dq=&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false.
- Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь: история человеческих сообществ / пер. с англ. М. Колопятина. – М., 2016.
- Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем. – М., 1990.
- Веблен Т. Теория праздного класса / пер. с англ. Изд. 4-е. – М., 1984.
- Математические методы в социальных науках / сб. статей под ред. П. Лазарсфельда и Н. Генри. – М., 1973.
- Психологические измерения / пер. с англ. Е.Ю. Артемьевой. – М., 1967.
- Беккер Г.С. Human capital / Gary S. Becker. – New York, London, Columbia University Press, 1975.
- Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории: пер. с англ. – М., 2003.
- Шумахер Э.Ф. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение / пер. с англ. и примеч. Д. О. Аронсона; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» // <https://id.hse.ru/data/2012/02/22/1266057871/Шумахер-сайт.pdf>.
- Бёгельсдейк Ш., Маселанд Р. Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности / пер. с англ. Н.В. Автономовой; науч. ред. В.С. Автономов. – М.; СПб., 2016.
- Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations across Nations / Geert Hofstede. – 2nd ed. – Thousand Oaks [etc.]: Sage Publications, 2001. – XX.
- Петраков Н.Я., Перламутров В.Л. Россия – зона экономической катастрофы // Вопросы экономики. 1996. №3. С. 74–83.
- Абалкин Л.И. Экономические интересы при социализме // Вопросы экономики. 1969. №7. С. 55–63.
- Абалкин Л.И. К самопознанию России / РАН. Ин-т экономики. – М., 1995.
- Абалкин Л.И. Россия. Поиск самоопределения: очерки. – М., 2002.
- Абалкин Л. Российская школа экономической мысли // Вопросы экономики. 2021. №2. С. 4–18.
- Глазьев С.Ю. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием / С.Ю. Глазьев, В.В. Локосов // Вестник Российской академии наук. 2012. Т. 82, №7. С. 587–604.
- Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса // <https://glazev.ru/images/books/Стратегия%20опережающего%20развития%20России%20в%20условиях%20глобального%20кризиса.pdf>.
- Аганбегян А.Г. О приоритетах социальной политики / А.Г. Аганбегян. – М., 2020.
- Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика – на культуру: курс лекций / А.А. Аузан, Е.Н. Никишина. – М., 2021.
- Аузан А.А. Культурные коды экономики. Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. – М., 2023.
- Осипов Ю.М. Софиасофия как инновация и как инонезнание // Философия хозяйства. 2023. №5. С. 13–33. Doi: 10.5281/zenodo.8416707.
- Труды Первой всероссийской инициативной конференции по научной организации труда и производству: 20–27 января 1921 г. / редакционная комиссия: Гуцин, Н.И. [и др.]. – Москва: Организационная тройка конференции по научной организации труда и производства, 1921. Вып. 1: Заседания пленума конференции: [с приложением]. – 126, 42 с. 6 л. схем. (М., 11-я Типография М.Г.С.Н.Х. (бывш. Н.К.П.С.).
- Бусько В.Н. Исследование проблем стимулирования труда, планирования и размещения производительных сил учеными Института экономики НАН Беларуси в 60–80-е гг. XX в. // В.Н. Бусько, А.А. Плащинский / под науч. ред. П.Г. Никитенко. – Минск, 2005.
- Гусаков В. Эффективность развития и идеология // Наука и инновации. 2021. №4. С. 4–9.
- Никитенко Н.Г. Ноосферная экономика и социальная политика: стратегия инновационного развития. – Минск, 2006.
- Байнев В.Ф., Михалевич А.А., Никитенко П.Г. Новая индустриализация – задача для всех: о действенных механизмах реализации мероприятий новой редакции Директивы №3 // Беларуская думка. 2016. №3. С. 103–110.
- Байнев В.Ф. Полезностная парадигма социально-экономических наук как важнейший этап реконструкции знаний XX в. и методологическая основа интеграционных процессов в современной науке // <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/51035/1/Статья%20Байнев%20В.%20Полезностная%20Парадигма%20социально-экономических%20наук.pdf>.
- Байнев В.Ф. Нравственность как экономическая категория // <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/165308/1/Байнев%20В.%20Нравственность%20как%20экономическая%20категория.pdf>.
- Байнев В.Ф. Идеология как экономическая категория // Экономическая наука сегодня: сб. научных статей / Белорусский национальный технический университет, факультет технологий и гуманитаризации, кафедра «Экономика и право». Минск, 2016. – Вып. 4. С. 21–33.
- Байнев В.Ф. Проблемы и перспективы нравственного измерения экономики // <https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/26256/51%20-%202065.pdf?sequence=1&isAllowed=y>.
- Лемещенко П.С. Культурные начала экономики. Тенденции экономического развития в XXI в.: материалы Межд. науч. конф., Минск, 28 февраля 2019 г. / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2019. С. 93–95.
- Лемещенко П.С. Наука экономика в человеческом измерении // Тенденции экономического развития в XXI в.: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 1 марта 2022 г. / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2022. С. 59–62.
- Лемещенко П.С. Белорусская рыночная реформа: устойчивый эффект институциональных ловушек. Беларусь 2030: государство, бизнес, наука, образование: материалы 4-й Междунар. науч. конф., Минск, 26 октября 2017 г. / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2017. С. 14–18.
- Лученок А.И. Влияние национального менталитета на интеграцию стран Единого экономического пространства. Международные Лихачевские научные чтения // https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/Sbor_full/2014_rus.pdf.
- Лученок А.И. Согласование национальных интересов при проведении интеграционной политики / А.И. Лученок // Экономическая наука сегодня: сб. научных статей / редкол.: С.Ю. Солодовников (председатель) [и др.]. – Минск, 2017. – Вып. 5. С. 103–115.

Статья поступила в редакцию 12.11.2024 г.